

Доминантные модели семантических изменений англоязычных заимствований Петровской эпохи

Ольга Васильевна Нагель¹, Марина Васильевна Волкова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ olga.nagel2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

² www.volmar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Аннотация

Исследовательский интерес к заимствованиям петровского времени сохраняется в силу довольно большого числа укоренившихся слов и их значительного влияния на развитие русского языка, в связи с чем актуальным представляется вопрос выявления особенностей их адаптационного процесса. Цель данной работы – определить приоритетные направления семантического развития англоязычных заимствований петровского времени посредством анализа их семантических изменений и адаптационных механизмов в системе русского языка. Объектами исследования в статье являются характер и способы семантических изменений англоязычных заимствований петровской поры в диахронической перспективе. Основной фокус исследования направлен на выявление доминантных моделей семантических изменений, а именно преобладающих схем трансформации смысла англоязычных заимствований Петровской эпохи с момента их вхождения в систему русского языка. В ходе семантического разбора ранних англизмов, отобранных методом случайной выборки из первых словарей и гlosсариев, проведен сравнительно-сопоставительный анализ семантических данных заимствований и их этимонов, методом корпусного анализа выделен наиболее активный период употребления заимствованных слов посредством изучения их частотности, а также произведена классификация заимствований по типам семантических сдвигов по методу Л. Блумфилда и А. Бланка. В ходе исследования выделены две большие категории англоязычных заимствований, отражающие степень их семантической подвижности. В рамках категории с малой семантической подвижностью представлены заимствования, имеющие стабильно низкий IPM и часто сохраняющие связь со своими английскими этимонами, такие как специальные термины, которые чаще всего заимствуются без семантических искажений, например «морской язык» в петровское время, различные административные понятия (*мэр, шериф*), названия мер и весов (*фут, ярд*), научные и экономические термины. Семантически малоподвижными оказываются также слова, не относящиеся к российской действительности, например *пикули*, или слова, чьи понятия устарели или вышли из употребления, например *ординария, кучман*. Популяризованные на волне новых культурных тенденций и моды варваризмы впоследствии также теряют свое влияние и становятся редкоупотребимыми, например *пассия, пудинг*. Другой категорией являются укоренившиеся заимствования с высокой частотностью употребления, которые в ходе адаптации существенно меняются структурно и семантически. Такие заимствования отличает высокая семантическая подвижность, они находят свое место в принимающем языке, используя свой полисемический потенциал и трансформируя одно или несколько значений, что можно увидеть в словах Петровской эпохи *клуб, парк, сквер, магазин, спорт, партнер*.

Ключевые слова: петровские заимствования, англоязычные заимствования, англизмы, семантические изменения, семантический сдвиг, комбинированный семантический сдвиг, доминантные модели, адаптационный процесс

Для цитирования: Нагель О.В., Волкова М.В. Доминантные модели семантических изменений англоязычных заимствований Петровской эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 55–66. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-55-66>

Dominant models of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era

Olga V. Nagel¹, Marina V. Volkova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ olga.nagel2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

² www.volmar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Abstract

Research interest in borrowings of the Petrine time remains due to fairly large number of rooted words and their significant impact on the development of the Russian language. The purpose of this work is to determine the main ways of semantic development of English-language borrowings of the Petrovsky time by analyzing their semantic changes and adaptation tools in the Russian language system. As an object of the study, the article discusses the nature and methods of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era in a diachronic aspect. The main focus of the study is aimed at identifying dominant models of semantic changes, namely, the prevailing schemes for transforming the meaning of English-language borrowings of the Petrine time since their penetration in the system of the Russian language. Selected for the research by random sampling from the first dictionaries and glossaries the early English-language borrowings were analyzed by the method of comparative analysis with their etymons, classified by the types of semantic shifts as well there was identified the most active period of their use by studying their frequency with the corpus analysis method. According to the research there were identified two large categories of English-language borrowings reflecting the range of their semantic mobility. The borrowings having a low ipm and often keeping the connection with their English etymons relate to the first category with weak semantic mobility. These are the words that mean special terms borrowed without any semantic changes. Subsequently such words as sea terms, scientific, economic, administrative terms and names of measurements don't have semantic mobility in the language-recipient. The words not relating to the Russian reality turn out to be semantically unmovable and then leave the Russian language vocabulary as outdated words. Different barbarisms can belong to this category too. Another category consists of entrenched borrowings that have changed structurally and semantically during the adaptation process. Most of them have high frequency of use and good semantic mobility, using their polysemic potential and changing one or several meanings.

Keywords: Petrine loanwords, English borrowings, Anglicisms, semantic changes, semantic shift, combined semantic shift, dominant models, adaptation process

For citation: Nagel O.V., Volkova M.V. Dominantnyye modeli semanticheskikh izmeneniy angloyazychnykh zaimstvovaniy Petrovskoy epokhi [Dominant models of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 55–66 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-55-66>

Введение

Стабильный интерес исследователей к динамике языковых процессов связан прежде всего с тем, что по своей природе язык находится в постоянном взаимодействии с общественными, политическими и экономическими процессами. Изучение заимствований в данном аспекте является постоянно актуальным, поскольку именно данный пласт лексического состава языка отражает не только культурный обмен, но и глобальные трансформации в социуме. Глубокого анализа требуют процессы проникновения, укоренения и отчуждения заимствованных элементов в языке, так как посредством этих процессов возможно системное понимание происходящих изменений в общественном сознании, экономических тенденций и политических реалий. В данном аспекте особый интерес представляют заимствования петровского времени, исследование которых может выявить системные модели семантических изменений для понимания текущих и прогнозируемых языковых процессов. В конце XVII в. сложились закономерные условия для внедрения в систему русского языка большого количества англоязычной лексики, которая была обусловлена необходимостью обогащения языка новыми понятиями из навигации и судостроения. Наряду с «морским словарем» массово заимствовались слова административного, экономического, по-

литического, культурного и бытового назначения, продуцирующие новые понятия и смыслы во все сферы жизни, создавая новую культурную среду, где чужой язык обретал социальную значимость. Практика повсеместного и часто неоправданного использования иностранной лексики стала причиной острой дискуссии, развернувшейся в середине XVIII в. между литераторами, которые признавали полезность заимствований, как, например, В.К. Тредиаковский, а позже Н.М. Карамзин, и сторонниками чистоты русского языка, какими были А.С. Шишков, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков. Сегодня активный характер влияния англоязычных заимствований на национальный дух народа и его нравственные ценности вновь инициирует «вечный» вопрос о пределах использования заимствованных слов и «сохранении культурных ценностей в формах письменной и устной речи» [1, с. 104]. В свете актуализации данной полемики закон о нормах употребления литературного языка и контроле над использованием иностранных заимствований, подписанный президентом РФ В.В. Путиным 28 февраля 2023 г. [2], призван обеспечить соблюдение необходимого баланса между теми заимствованиями, которые, по выражению Л.П. Крысина, «иногда очень точно выражают суть предмета» [3, с. 11], приходят с прогрессом и работают на развитие не просто языка, а общества в целом, спо-

существуя в том числе и технологической интеграции, и теми, которые «портят» русскую речь иноязычными эквивалентами [4, с. 282]. В связи с этим актуальным представляется исследовать модели и паттерны процессов заимствований прошлого, чтобы смоделировать потенциальный вектор глобального влияния современных заимствований на устойчивость и структурные процессы языковой системы русского языка.

Англоязычные заимствования петровского времени определялись спецификой употребления в навигации и судостроении, поэтому по сравнению с заимствованиями из других языков представлены в меньшем объеме. Из описанных Ф. Поликарповым в «Лексиконе вокабул новых по алфавиту» 503 иностранных слов [5] доля «англизмов» составляет чуть более 7 %, большая часть которых является морской терминологией. Из выбранных методом случайной выборки для данной работы 200 англицизмов из глоссариев Н.А. Смирнова и В.М. Аристовой доля морских терминов (*шхуна, бот, бейк-шток, бред-рум, ватервей, кат, лекаж, ган-рум, фальшиль, опердек, фордевинд, ялик, шлюпка*) составляет 50 % [6, 7] от всего объема английских заимствований того времени. Также немало англоязычных заимствований (около 20 %) [6, 7], попавших в русское языковое пространство в конце XVII – начале XVIII в., были административного и экономического содержания, к которым относились должности и профессии (*констебль, аттерни, солиситор, клерк, алдерман, фермер, геодезист*), названия мер и весов (*фут, ярд, миля, пинта, фунт, фатом, чалдрон*), экономические термины (*дравбак, стокс, партнер, патент*). Категория англоязычных заимствований, характеризующих сферу повседневной жизни и быта, также довольно обширна. В исследуемых 200 заимствованиях их доля составляет более 20 % [6, 7], что свидетельствует об усвоении вместе с новыми понятиями новой системы ценностей.

В ходе работы основной целью исследования стал ответ на вопрос о специфике адаптации высокочастотных англоязычных заимствований, сохранившихся в системе русского языка с петровской поры. В связи с этим исследовательский интерес был сфокусирован не только на характере семантических изменений «петровских» англицизмов в процессе формирования их семантического профиля в русском языке, но и на степени представленности, доминирования этих процессов в исследуемом материале. Термин «доминантные» вводится для характеристики приоритетных направлений семантических изменений и отражает модельные адаптационные процессы переориентации значений англоязыч-

ных заимствований на фоне их корреляции с оригинальными формами принимающего языка. Методом сравнительно-сопоставительного анализа была выявлена разница заимствованных и исходных значений и определены направления семантического развития заимствований согласно их функциональной применимости и теми семантическими сдвигами, которые они приобрели в процессе встраивания в систему русского языка. Метод корпусного анализа на материале англицизмов петровского времени позволил определить их частотность и семантическую устойчивость в ходе длительного адаптационного периода.

Материал и методы

Изучение вопроса эволюции англоязычных заимствований в системе русского языка в петровское время заставляет, во-первых, определиться с природой, содержанием и функциональными характеристиками многочисленных лексикографических источников «петровских» заимствований, из которых собирается корпус заимствований. Во-вторых, важно использовать комплементарность количественных и качественных методов анализа при исследовании влияния иностранных слов на внутреннее состояние русского языка и его носителей через выявление особенностей их использования в речи и взаимодействии с исконными русскими лексическими формами в системе языка.

Иноязычная лексика в лексикографических источниках начала XVIII в., например в записях представителя России в Англии князя Б.И. Куракина, поденных записках и письмах Петра I, часто сопровождается комментариями с целью освоения ее содержательного компонента. Целям семантического ознакомления с заимствованиями были посвящены первые словари, технически представлявшие собой притекстовые глоссарии («глоссы»), например, «Толкование иностранных речей» в Генеральном Регламенте с толкованием 34 слов [8, с. 47]. Поскольку характер англицизмов XVII в. определялся «морской» спецификой, в качестве первых лексикографических источников рассматриваются терминологические словари и спецификации, например «Регламент шхиперам...» 1723 г., которые были доступны на русском и английском языках. Навигационная и судостроительная терминология преобладает среди англоязычных заимствований в первом словаре того времени «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», в котором из ряда источников делалась попытка «собрать воедино и снабдить толкованиями новейшие заимствования из европейских языков» [9, с. 165].

Обращает на себя внимание тот факт, что первые лексиконы, толкующие иноязычные заимствования, не имели этимологического сопровождения и примеров в силу отсутствия необходимого корпуса текстов и рассматривали заимствованные слова только в рамках их семантического описания. В связи с этим «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту», составленный Н.М. Яновским и включающий около 120 англизмов, выгодно отличается. В отличие от «Лексикона...» и притечтовых глоссариев словарь Н.М. Яновского содержит информацию о языке-источнике заимствования и дает полную разъяснительную характеристику каждого слова. В то же время заимствованные слова еще не подтверждены примерами из сочинений по причине малого количества переводной английской литературы, которая, по свидетельству Е.Э. Биржаковой, насчитывала к концу XVIII в. чуть больше десятка книг [10, с. 57].

В основе ранних отечественных работ по изучению заимствованной лексики петровской поры лежат этимолого-хронологические изыскания на основании датировок цитируемых текстов из писем, бумаг, указов и различных архивных источников, составленных как самим Петром I, так и его сподвижниками. «Долгое время, — пишет Н.И. Гайнуллина, — наиболее авторитетным исследованием в этом направлении был труд Н.А. Смирнова „Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху“ [11, с. 10]. Автор не только сделал систематизированный обзор петровских заимствований в рамках этимолого-хронологического подхода, но также дал экспертную оценку наиболее ранних лексикографических документов петровской поры. Помимо «Лексикона вокабулам новых по алфавиту», многие англоязычные заимствования были взяты Н.А. Смирновым из Морского устава, писем и бумаг Петра Великого, журнала Петра Великого, документов из архива князя Б.И. Куракина и других документов времени Петра I, ссылки на информацию о которых и примеры из различных сочинений сопровождают каждый термин в словаре. В один год (1910) с работой Н.А. Смирнова вышел «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского, в котором, несмотря на отсутствие контекстуальных примеров, многие заимствования получили исчерпывающие характеристики происхождения и употребления.

В 1970-х гг. вышли работы Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.» и В.М. Аристовой «Англо-русские языковые контакты», в которых авторы, помимо исследования истории проникновения англоязычных за-

имствований в русский язык, уделяют внимание грамматическим и семантическим особенностям их вхождения. В исследованиях последних двух десятилетий XX в. фокус лингвистических интересов постепенно смещается с этимологического анализа петровских заимствований к их типологизации, например в работах М.Г. Кочиевой, В. Сайнбаяр, А.И. Дьякова, О.В. Поповой, к вопросам их семантического освоения, что можно увидеть в работах И.В. Никифоровой и Н.И. Гайнуллиной. Переосмысливая отношение к заимствованной лексике в петровское время, в работах С.С. Изюмской, Е.В. Мариновой, М.В. Ясинской вновь поднимается «вечный вопрос» о пределах употребления заимствованных слов и социокультурном характере их влияния на основы общества

С появлением больших электронных корпусов открылась возможность исследовать степень адаптивности петровских заимствований спустя три сотни лет на основе изучения частотности их употребления и сочетаемости с другими лексическими единицами в рамках контекстуального разбора. Данный подход позволяет определить функциональный профиль полностью адаптированных англизмов, используемых в настоящее время, и понять ассимиляционные процессы устаревших заимствований, моделировать адаптационные перспективы англизмов, сравнительно недавно вошедших в русскую речь.

Результаты и обсуждение

Для исследования отобрано 200 лексических единиц, заимствованных в период с конца XVII до середины XVIII в. Большая часть заимствованных слов была получена методом случайной выборки из словаря иностранных слов, вошедших в сочинение Н.А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», словаря английских заимствований из работы В.М. Аристовой «Англо-русские языковые контакты», а также из «Нового словотолкователя, расположенного по алфавиту» Н.М. Яновского. На основании обработанных данных методом корпусного анализа был выделен наиболее активный период употребления заимствованных слов согласно их частотности. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа англизмов со своими этимонами и классификации заимствований по типам семантических сдвигов были сделаны выводы относительно семантической подвижности англоязычных заимствований петровского времени и доминантных механизмов их семантической адаптации.

В результате исследований были выделены две большие группы англоязычных заимствова-

ний – с высокой и низкой степенью семантической подвижности. Несмотря на то что в разряд адаптированных заимствований попадают слова с разной степенью семантической подвижности, семантическая подвижность слова влияет на характер его укоренения, особенно если заимствование не имеет терминологического характера. В первую категорию вошли заимствования с низкой семантической подвижностью, имеющие стабильно низкий IPM и часто сохраняющие связь со своими английскими этимонами. Данная категория представлена следующими доминантными типами: 1. Неактуальные заимствования, потерявшие связь с российской действительностью. 2. Устаревшие понятия. 3. Техническая терминология или новые понятия. 4. Научные, экономические, профессиональные понятия. 5. Варваризмы или экзотизмы.

Представим каждый тип первой категории более подробно.

1. Неактуальные заимствования, потерявшие связь с российской действительностью, представлены обширной группой англоязычных заимствований с низкой семантической подвижностью, т. е. слова, которые по тем или иным причинам не смогли укрепиться в системе русского языка и были утрачены спустя некоторое время. Получив временную компетенцию, 18 % из 200 исследуемых заимствований утратили свою актуальность, выйдя из употребления, другие потеряли связь с русской действительностью и, не имея возможности «переориентироваться», также прекратили свое существование как часть русского вocabуляра. Так, слабая корреляция с российской действительностью стала причиной вытеснения слова *solicitor* (пример 1) (англ. *solicitor – a British lawyer who advises clients and prepares cases for barristers to try in higher courts* – «проверенный, ведущий дела своих клиентов до суда» [12]), которое, согласно НКРЯ, с 1864 по 1866 г. было распространено с индексом частотности миллиона (IPM) 4,34 [13]. В силу несоответствия юридической деятельности российских и английских юристов слово потеряло практическую значимость и вышло из употребления. Названия профессий, не ставших распространеными в России, например *констебль* (англ. *constable – a police officer of the lowest rank* – «низший полицейский чин» [14]), английских мер веса или длины, таких как *фунт* (англ. *pound*), *фут* (англ. *foot*), *пинта* (англ. *pint*) или денежных единиц, например *пенс* (англ. *pence*), также не стали востребованы.

2. Устаревшие понятия связаны с заимствованиями, которые исчезли из системы принимающего языка в связи с разрушением понятия или

явления, которое оно обозначало. Например, не зафиксированное в НКРЯ слово *ординария* (пример 2) (англ. *ordinary – a village tavern in an early American community* – «таверна» [15]) как синоним постоянного двора, трактира [16, с. 71] вышло из употребления, как и сам постоянный двор. В качестве подобных заимствований также можно назвать распространенное с середины XVII до середины XX в. слово *фактория* (пример 3) (англ. *factory – an establishment for traders carrying on business in a foreign country* [17]), обозначавшее торговое поселение иностранцев для скупки и продажи товаров [18]; слово *claveicordы* (пример 4) (англ. *clavichord* – «ударный клавишный музыкальный инструмент» [6, с. 142; 19]), употреблявшееся с 1742 г. и имеющее, по НКРЯ, IPM 0,52 [13], постепенно заменилось современным «фортепьяно»; слово *каразея* (пример 5) (англ. *kersey – a heavy wool or wool and cotton fabric* – «плотная шерстяная ткань» [12]) вышло из употребления, после того как ткань перестали выпускать [6, с. 134; 20, вып. 7, с. 71].

3. Техническая терминология представлена английскими заимствованиями, передающими новые понятия или новый смысл уже известных явлений. Обладая устойчивой семантикой, данная группа англицизмов имеет на сегодняшний день высокие показатели частотности, стабильный характер использования и укоренившиеся связи с другими словами в русском языке. В первую очередь речь идет о морской терминологии, которая создавала новый корпус понятий, еще не известных России петровского времени. Передаваемые методом прямого заимствования с частичным сохранением оригинальных морфологических форм морские термины воспроизводили исходный смысл заимствуемых понятий, составляя единый морской словарь. Благодаря практической полезности, а также отсутствию эквивалентности большинство морских терминов удержалось в русском языке до настоящего времени, сохраняя тот семантический ресурс, который был заложен в них в ходе заимствования. Из числа исследуемой лексики составляющие половину слов заимствования морской тематики включают названия морских судов: например, *ихуна* с IPM 5,33 в 2 005 текстах (англ. *schooner* – «судно с наклонными мачтами» [21, с. 60; 23]) или *шлюпка* с IPM 12,08 в 4 522 текстах (англ. *sloop* – «малое судно» [22, ч. 3, с. 1193–1194]), а также понятия из навигации и мореходства, такие как *док* с IPM 3,97 в 1 488 вхождениях (англ. *dock* – «гараж для ремонта кораблей» [6, с. 109; 21, с. 21]), *ватерлиния* с IPM 0,45 в 163 вхождениях (англ. *water-line* – «линия соприкосновения воды с корпусом судна» [21, с. 80], перечень корабельных

частей и корабельного оснащения, такие как *стоп-анкер* (англ. *stop-anchor* – «якорь» [21, с. 22; 23]), *трапл* с IPM 0,96 в 341 вхождении [13] (англ. *trawl* – «рыболовецкая сеть», «приспособление для исследования дна», «устройство для ловли мин» [19]) и многое другое. Большая часть морской терминологии, за исключением названий корабельных частей, данные по которым не внесены в НКРЯ, имеют частотность употребления в диапазоне от 1,5 до 12 и больше, что стандартно для укоренившихся слов. Несмотря на внешнее сходство со своими англоязычными этимонами, грамматические и морфологические характеристики морских терминов имеют адаптивную слаженность и подчинены нормам принимающего языка. Например, звон судового колокола *рында* («рынду бить») является русифицированной гибридной формой английского выражения *to ring the bell* [22, т. 3, с. 1757]. В то же время большая часть морского словаря сохранила семантическую связь с его оригинальным составом, не будучи подвергнутой семантическому сдвигу в процессе освоения, например слова *катель* (англ. *cutter* – «морское или речное судно» [21, с. 22]) или *дрейф* (англ. *drift* – «смещение судна с курса под влиянием ветра» [6, с. 111; 22, ч. 1, с. 761–762]).

4. Научные, экономические понятия, связанные с профессиональной деятельностью, как и морская тематика, в петровское время заимствовались достаточно широко. К подобным заимствованиям можно отнести слово *волонтер* (пример 6) (англ. *volunteer* – «доброволец», «вольный участник») с IPM 2,7 и числом вхождений 1 012: ...в котором Его Царское Величество сам изволит меж другими кавалерами яко волонтер быть [6, с. 76]; или *геодезист* (пример 7) (англ. *geodesist* – «землемер» [22, ч. 1, с. 568]), известное с 1698 г. Активно употребляясь с 1737 г. (IPM 1410,28) по 1757 г. (IPM 115,20), слово имело высокий показатель частотности, который впоследствии снизился, составляя на данный момент IPM 0,98 при 364 вхождениях [13]. Января во 2 день по указу Его Величества посланы из Академии двое геодезистов в Сибирь до Камчатки для описания тамошних мест [23, ч. 2, с. 71]. Аналогичный характер имеют заимствования *фермер* (пример 8) (англ. *farmer* – «хозяин или съемщик земли или мелкого поместья» [19; 24, т. 4, с. 1136]) с IPM 6,34 и числом вхождений 2 370 [13] и *шериф* (пример 9) (англ. *sheriff* – «глава окружной полиции» в англоязычных странах [22, ч. 3, с. 1178–1179]) с IPM 1,55 с числом вхождений 342 [13].

5. Варваризмы или экзотизмы. Особенно быстро языковая система избавляется от ненуж-

ных дублеров. Слова, пришедшие на волне модных тенденций, имеющие синонимичное значение со словами в русском языке и при этом слабую семантическую подвижность, постепенно вытесняются привычными формами. Варваризмы в петровский период популяризировались в речи для придания словам особой весомости, функционально обозначая лояльность государственной политики обновления и развития. С уходом моды на иностранные слова появилась обратная тенденция очищения языка от излишней засоренности заимствованиями, что стало следствием национального недовольства тем «затемнением смысла речи» [10, с. 71], которое несли заимствованные слова в своей массе. Ряд англицизмов петровской поры полностью утрачен, и в Национальном корпусе русского языка нет данных по их вхождению. Например, из употребления вышли такие слова, как *эльбир* (англ. *ale-beer* – «пиво», «эль» [12]), обозначавшее сорт английского пива без добавления хмеля [6, с. 348], *помпельмус* (англ. *pompelmost* – «грейпфрут» [12]), *поссет* (англ. *posset* – «напиток» [12]), приготовленный из кипяченого молока, пятой части вина и сахара [22, ч. 3, с. 405]. В разряде редкоупотребимых в русском языке находится когда-то популярное слово *сплин* (пример 10) (англ. *spleen* – «меланхолия»), обозначающее хандру, депрессию и всякие мрачные думы [19; 24, т. 4, с. 415]: *Мрачный, флегматичный британец с жадностью глотает солнечные лучи как лекарство от его болезни – сплина* [7, с. 122]. Начало употребления слова зафиксировано в НКРЯ в 1792 г.; с 1822 по 1857 г. наблюдается пик его распространности (в 1823 г. IPM 10,78, в 1845 г. IPM 15,38, а в 1854 г. – 14,18), но с 1865 г. частотность колеблется на уровне 4,0–0,01, имея на сегодняшний день IPM 0,7 при 257 вхождениях [13]. Первоначальновшедшее широкий отклик в русской языковой среде слово *пудинг* (пример 11) (англ. *pudding* – «сладкое заварное блюдо» [14]), имеющее в 1828 г. IPM 33,22 [13], впоследствии было замещено синонимичными вариантами слов «запеканка», «суфле», «десерт».

Вторая категория заимствований с высокой степенью частотности употребления и семантической подвижностью представляет особый интерес. Причиной семантической подвижности в данной категории становится активное включение заимствований в новый лексико-семантический порядок и установление ими разнообразных связей и коллокаций с оригинальными единицами в принимающем языке. Около 12 % исследуемых 200 англицизмов Петровской эпохи сохранились в русском языке, претерпев определен-

ную трансформацию семантических основ посредством семантического сдвига, что, согласно адаптированной типологии Л. Блумфилда, предполагало сужение или расширение их значений, метонимизацию или метафоризацию заимствованной семантики, а также усиление (гипербола) или ослабление (литота) значения, позитивизацию или, напротив, негативизацию заимствования [25, с. 468–495]. Среди приоритетных направлений семантических изменений данной группы можно выделить: 1. Заимствования, которые используют свой полисемический потенциал, ограничивая его в процессе адаптации. 2. Заимствования, подверженные комбинированному семантическому сдвигу на фоне развития метонимических процессов. 3. Заимствования, получившие семантические изменения в момент вхождения в русский язык.

Рассмотрим каждую доминантную модель более подробно.

1. Характерной мотивацией семантической изменчивости петровских заимствований является ограничение полисемии многозначного слова в процессе выявления наиболее приемлемого варианта его содержания. Заимствование сужается, утрачивая одно или несколько значений и сохранив наиболее значимую семантику в зависимости от потребностей языка-реципиента. Рассмотрим процесс на примере полностью адаптированного заимствования *магазин* (пример 12) (англ. *magazine*) со стабильной частотностью употребления 111,12 и количеством вхождений 41 608 [13], которое первоначально определялось как периодическое издание (*a print periodical of ten illustrated* [12]), склад для хранения военной амуниции, пороха, провизии и других товаров (*places where goods, munitions or supplies are stored* [12; 20, вып. 9, с. 5]), а также емкость для хранения однородных деталей, например для многозарядного оружия (*a container for holding a supply of cartridges* [17]), что семантически соответствовало его англоязычному этимону. Позже термин *магазин* как торговое предприятие становится приоритетным, сужая значение исходного понятия. Однако сохраненное значение слова также изменяется, расширяясь с «места для хранения товаров» до «места розничной торговли товарами». Подобное переплетение семантических сдвигов характерно для петровских заимствований, часто совмещающих признаки семантических сдвигов разных видов, например метонимию и сужение значения, сужение и позитивизацию смысла слова. Например, популярный сегодня термин *sport* (пример 13) (англ. *sport*) с IPM 34,27 в 12 869 вхождениях [13] был заимствован как многозначное понятие, обозначая соревнова-

ния в целях развлечения (*a game or competition for enjoyment* [14]), физические навыки и упражнения для оздоровления организма (*all types of physical activities to keep healthy*) [14]), а также мутировавшие, отличающиеся от других животные или растения (*an animal or a plant that is slightly different to others because of a mutation*) [14]. В петровское время заимствованное слово сохраняло все значения, передавая многозначность этимона в период вхождения в полной мере, однако впоследствии заимствование *sport* претерпело семантический сдвиг в сторону позитивизации значения, перейдя от развлекательного характера физических нагрузок к профессиональной организации соревновательной деятельности. Одновременно произошло сужение слова с потерей значения «отклонение от нормы» в русском варианте. Аналогичные процессы наблюдаются в слове *парк* (пример 14) (англ. *park*), имеющеме в НКРЯ IPM 57,99 с числом вхождений 21 724 [13]), которое первоначально обозначало не только сад для отдыха, но и закрытое охотничье угодье, огороженное место для выпаса скота или содержания диких животных по типу зверинца, а также, по свидетельству Н.М. Яновского, означало место, занятое под артиллерийскую технику [22, ч. 3, с. 223]. В ходе освоения слово *парк* утратило такие значения, как огороженные пастбища и пространства для ловли диких животных, но одновременно с сужением посредством метонимического сдвига произошел перенос семантики слова с места нахождения объекта (места нахождения военной техники и артиллерии) на сам объект (технику и артиллерию): *Наивеличайшую остановку и препятствие делала нам артиллерия, которой мы целый парк при дивизии своей имели* [7, с. 111]. Новое значение слова в дальнейшем распространилось на гражданскую технику – «парк такси», «парк ретроавтомобилей».

2. Отличаясь большим разнообразием, метонимические изменения как способ развития семантики петровских заимствований создавали переплетения семантических сдвигов не только на фоне потери полисемантического статуса слов, но также в ходе расширения ими своих значений. При этом метонимический перенос мог быть как причиной этого расширения, например в ходе обобщения значения, так и следствием этого расширения. Заимствование *клуб* (пример 15) (англ. *club*) с показателем частотности 80,78 и числом вхождений 30 359 [13] в XVII–XVIII вв. имело значение «постоянное общество, которое собирается для беседы и увеселений» [24, т. 2, с. 302], например джентльменский клуб (*gentlemen's club* [14]). В дальнейшем

слово стало обозначать различные объединения людей на основе сходства интересов (*I belong to drama club* [12]), а вскоре клубы стали объединением не только людей, но также любых сообществ и государств. Расширение семантического объема слова в ходе метонимического сдвига произошло на фоне обобщения понятия и на переносе значения с отдельной лексической единицы на близкие по прототипу лексические единицы в рамках одного семантического поля. При этом изменение значения произошло как на уровне оригинальной семантики, так и заимствованной формы. В советское время значение слова получило дальнейшее расширение, когда этим словом стали называть культурно-просветительские организации на предприятиях. Одновременно произошел пространственный метонимический сдвиг значения слова с самого объекта на место его нахождения, с организации на здание, в котором проходили культурные мероприятия. Позже появилисьочные клубы как аналог советских культурно-увеселительных учреждений, что продемонстрировало расширение целевого назначения слова вновь на фоне метонимического сдвига по причине концептуальной смежности понятий. Расширению в ходе обобщения значения заимствование могло подвергнуться и без метонимического переноса, что можно увидеть в слове *partner* (пример 16) (англ. *partner* – «напарник», «соучастник») с IPM 27,51 и числом вхождений 10 314 [13]. В петровское время партнером называли компаньона по карточной игре или в деловой сфере, позже им становится участник любой совместной деятельности (*one of a pair of dancers* [14]).

Семантические изменения заимствованных слов в рамках метонимического сдвига возникают в процессе уточнения, изменения или расширения концептуальной значимости понятий, в полной мере отражая семантическую подвижность заимствованных слов. Пройдя этап вхождения и столкнувшись с высокой синонимией в принимающем языке, заимствованное слово изменяет свой концептуальный облик, основываясь на ассоциациях или смежности с привычным понятием. Часто метонимический сдвиг происходит, перенося значение с части объекта на весь объект или с одного смежного объекта на другой, как произошло в слове *вокзал*. Переход слова *вокзал* (пример 17) от названия поместья *Faukeshale*, где проходили спектакли и летние балы, к названию железнодорожной станции произошел после строительства железной дороги Петербург – Царское Село – Павловск [26]. Метонимический перенос значения слова был осуществлен со значимого объекта («воксала») в

Павловске на расположенный рядом с ним смежный объект – железнодорожную станцию, а затем значение слова с данной конкретной станции распространилось на залы ожиданий всех железнодорожных станций в результате обобщения. В итоге комбинированный семантический сдвиг произошел в ходе метонимического смещения и дальнейшего расширения полученного значения посредством прототипического переноса с отдельно взятой лексической единицы на весь категориальный класс понятия [27, с. 76]. В современной интерпретации *вокзал* (IPM 57,33 с числом вхождений 21 469 [13]) как «развлекательный комплекс» больше не используется. Аналогичные процессы, но уже в рамках оригинального значения слова можно наблюдать в слове *бедлам* (пример 18) (IPM 0,92 с числом вхождения 340 [13]). Комбинированный семантический сдвиг слова строится на первоначальной метонимии по принципу смежности «убежища для душевнобольных» и месте его расположения в монастыре Святой Марии Вифлеемской [28] и последующей метафоры на основе ассоциативной связи объекта с состоянием неразберихи иaosа, которое он олицетворял. В заимствованной версии слово получило распространение только в семантически измененном, переносном значении.

Можно предположить, что высокий процент комбинированного семантического сдвига в значениях петровских заимствований связан со спецификой их прямого заимствования с сохранением на этапе вхождения многозначности оригинальной семантики и последующим отсеиванием редкоупотребимых или не коррелирующих с российской действительностью значений и дальнейшим преобразованием сохранившихся понятий по мере их интеграции в систему русского языка

3. Некоторые заимствования XVII–XVIII вв. получали семантический сдвиг не в процессе адаптации в языке-реципиенте, а в период вхождения в новую языковую систему, сохраняя, помимо сходства морфологических признаков и фонетической модели, также семантическую связь (на уровне семы) со своими этимонами. Например, *сквер* – *square* (сема: городская территория), *спич* – *speech* (сема: речь), *гармоника* – *harmony* (сема: звучание) на этапе проникновения в русский язык подверглись семантическому сдвигу «литота», в результате которого был сделан семантический перенос на меньшее значение. В отличие от своего английского этимона *speech* (пример 19), представляющего собой речевую деятельность в целом (*the ability to talk* [14]), заимствованный вариант слова *спич*, согласно В. Далю, это *речь, сказанная по случаю*

[24, т. 4, с. 442], а в более поздней версии *краткая торжественная речь на банкете*. Данный пример демонстрирует ограничение семантического потенциала слова и метонимический перенос с общего понятия слова *речь* на конкретную форму речи. Аналогичным образом в слове *сквер* (пример 20) (англ. *square* – 1. A *rectangle with equal sides* («квадрат»), 2. *an open place formed at the meeting of two or more street* («площадь») [12]) в процессе переплетений семантических сдвигов значение сначала сужается, а затем под воздействием семантического сдвига «литота» уменьшается до *небольшого озелененного участка в городской застройке* [24, т. 4, с. 180].

Заключение

В результате исследования можно увидеть, что заимствования петровской поры имели ряд доминантных моделей семантической трансформации согласно степени их семантической подвижности. В рамках ограниченной семантической подвижности, помимо утраченных заимствований, обозначавших исчезнувшие или устаревшие понятия (примеры 2–5) и явления, потерявшие связь с российской действительностью (пример 1), много таких, которые были заменены на синонимичные, «народные» речевые обороты по причине изменения моды и потери популярности (примеры 10–11). Из заимствований, которые остались практически неизменными в семантическом аспекте, выделяется морская терминология, большое количество научных и экономических терминов, а также понятий, обозначающих различные виды деятельности (примеры 6–9). Семантически подвижные заимствования создали в процессе адаптации различные

виды семантических изменений под воздействием семантических переносов или сдвигов (примеры 12–20). На этом пути полисемическое сужение значения стало характерным семантическим изменением петровских заимствований, причина которого заключается в переносе всей многозначности понятия в систему языка-реципиента. В ходе сокращения семантического объема многие заимствованные слова получали мотивацию для дальнейшего семантического развития, подвергаясь неоднократным семантическим сдвигам в рамках одного слова, по мере появления новых смысловых акцентов и синтагматических отношений в чуждой языковой среде. Однако ряд заимствований отмечен семантическими изменениями уже в момент вхождения в систему русского языка, часто в сторону уменьшения оригинального значения посредством литоты.

Таким образом, сравнительно-сопоставительная работа по определению диапазона значений англоязычных заимствований в языке-доноре и принимающем языке дает понимание характера и объема семантических изменений заимствований, выявляя, какие заимствования подвержены семантическому сдвигу в большей степени. В свою очередь классификация заимствованных слов посредством типологического разбора методом Л. Блумфилда и А. Бланка выявляет механизмы семантических изменений, при помощи которых заимствования встраиваются в систему языка-реципиента. В целом определение доминантных моделей семантического развития ранних англоязычных заимствований позволяет сделать шаг в направлении прогностического анализа семантических изменений современных англизмов.

Список источников

1. Найман Е.А., Гураль С.К., Смакотин В.М., Бовтенко М.А. Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 90–106. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000447088/SOURCE1> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. С. 2199. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Изюмская С.С. «Вечный вопрос» о мере использования иностранных слов // Literary.ru. 2008. С. 9–12. URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=snowfull&=12047164158&archive=1205324254> (дата обращения: 04.05.2024).
4. Сумароков А.П. О коренных словах русского языка. Соч., Ч. IX. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. С. 279–286. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005577937?page=23&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.03.2025).
5. Кошиева М. Лексика взаимы. Как в русском языке появились иностранные слова // Санкт-Петербургские ведомости. 22 апр. 2022. № 73 (7156). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/leksika-vzaymy-kak-v-russkom-yazyke-poyavilis-inostrannye-slova/#bounce> (дата обращения: 28.04.2024).
6. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1910. Т. 88, № 2, 399 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/67134-smirnov-n-a-zapadnoe-vliyanie-na-russkiy-yazyk-v-petrovskuyu-epohu-spb-1910-sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti-imperatorskoy-akademii-nauk-t-88-locale-nil-2> (дата обращения: 16.03.2025).

7. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.
8. Толкование иностранных речей из Генерального регламента. СПб., 1720. 48 с. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/egocarskogo-velichestva-generalnyi-reglament-ili-ustav-2> (дата обращения: 09.06.2024).
9. Мольков Г.А. История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019. № 2. С. 151–165. EDN: BAPHLR. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44358788> (дата обращения: 14.06.2024).
10. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Куттина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 430 с.
11. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: проблемы адаптации. Алматы: Каз. нац. ун-т им. аль-Фараби, 2008. 295 с. URL: https://nabrk.kz/ru/e-catalog?publication_type=1&sphere=7&title_first_letter=3&topic=0&language=tus&page=1 (дата обращения: 16.03.2025).
12. Merriam-Webster. URL: <https://merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 16.03.2025).
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.05.2024).
14. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 10.06.2024).
15. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 25.05.2024).
16. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.03.2025).
17. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 03.05.2024).
18. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://www.efremova.info>. (дата обращения: 07.05.2024).
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 1950–1958. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 27.10.2024).
20. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в. 1–30. АН СССР Институт русского языка. М.: Наука, 1975. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 28.10.2024).
21. Шишков А.С. Треязычный морской словарь на английском, французском и российском языках: в 3 ч. СПб.: Тип. Морск. шляхет. кадетск. корпуса, 1795. 84, 169, 41 с. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/237148> (дата обращения: 16.03.2025).
22. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: в 3 т. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1803–1806. URL: <https://www.prlib.ru/item/351704> (дата обращения: 16.03.2025).
23. Журнал или Поденная записка государя императора Петра Великого. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1772. Ч. 2, отд. 1. 773 с. URL: <https://prlib.ru/item/408595> (дата обращения: 20.06.2024).
24. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.; М: Изд-во М.О. Вольф, 1880–1882. URL: <https://prlib.ru/item/457656> (дата обращения: 20.06.2024).
25. Блумфилд Л. Язык: пер. с англ. М.: URSS, Либроком, 2010. 608 с.
26. Васильев К. О происхождении слова «вокзал» // Vox. 2014. № 17 (декабрь). URL: <https://statehistory.ru/4806/O-proiskhozhdenii-slova-vokzal/> (дата обращения: 05.05.2024).
27. Blank A., Koch P. Why do new meanings occur? A cognitive typology of motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition. Berlin; NewYork: Mouton de Gruyter, 1999. 312 p.
28. Бедлам: Обитель горя. URL: <https://enjoy-england.livejournal.com/8859.html> (дата обращения: 16.03.2025).

References

1. Nyman Ye.A., Gural' S.K., Smokotin V.M., Bovtenko M.A. Vzaimootnosheniya yazykov i kul'tur i rol' kul'tury v yazykovom obrazovanii [Interrelations of languages and cultures and the role of culture in language teaching and learning]. *Yazyk i kul'tura*, 2013, no. 1 (21), pp. 90–106 (in Russian). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000447088/SOURCE1> (accessed 16 March 2025).
2. Federal'nyy zakon ot 28.02.2023 no. 52-FZ “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon ‘O gosudarstvennom yazyke RF’” [The Federal Law as of February 28, 2023. No. 52-FZ “On Amendments to the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2005, 23 Art. P. 2199 (in Russian). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (accessed 21 April 2024).

3. Izyumskaya S.S. “Vechnyy vopros” o merakh ispol’zovaniya inostrannyykh slov [“The eternal question” of measures to use foreign words]. *Literary.ru*, 2008, pp. 9–12 (in Russian). URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=snowfull&=12047164158&archive=1205324254> (accessed 4 May 2024).
4. Sumarokov A.P. *O korennyykh slovakh russkogo yazyka* [Indigenous words of the Russian Language]. Polnoye sobraniye sochineniy. Moscow, Univsitetskaya tipografiya u N. Novikova Publ., 1781. vol. 9, pp. 279–286 (in Russian). URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005577937?page=23&rotate=0&theme=white (accessed 16 March 2025).
5. Kochieva M. Leksika vzaymy. Kak v russkom yazyke poyavilis’ inostrannyye slova [Borrowed vocabulary. How foreign words appeared in the Russian Language]. *St. Petersburg Vedomosti*, 2022, no. 73 (7156) (in Russian). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/leksika-vzaymy-kak-v-russkom-yazyke-poyavilis-inostrannye-slova/#bounce> (accessed 28 April 2024).
6. Smirnov N.M. *Zapadnoye vliyanije na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu* [Western influence on the Russian Language in the Petrine era]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1910. Vol. 88, no. 2. 399 p. (in Russian). URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/67134-smirnov-n-a-zapadnoe-vliyanie-na-russkiy-yazyk-v-petrovskuyu-epohu-spb-1910-sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti-imperatorskoy-akademii-nauk-t-88-locale-nil-2> (accessed 16 March 2025).
7. Aristova V.M. *Anglo-russkiye yazykovyye kontakty (Anglitsizmy v russkom yazyke)* [English-Russian language contacts (Anglicisms in the Russian Language)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978. 150 p. (in Russian).
8. *Tolkovaniye inostrannyykh rechey iz General’nogo Reglamenta* [Interpretation of foreign speeches from the General Regulations]. Saint Petersburg, 1720. 48 p. (in Russian). URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/ego-carskogo-velichestva-generalnyi-reglament-ili-ustav-2> (accessed 9 June 2024).
9. Mol’kov G.A. Iстория составления “Leksikona vokabulam novym po alfavitu” F. Polikarpova [The history of F. Polikarpov’s “An alphabetical lexicon of new words” compilation]. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*, 2019, no. 2, pp. 151–165 (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44358788> (accessed 14 June 2024).
10. Birzhakova E.E., Voinova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 431 p. (in Russian).
11. Gainullina N.I. *Zaimstvovannaya leksika v Petrovskuyu epokhu: problemy adaptatsii* [Borrowed vocabulary in the Petrine era: issues of adaptation]. Almaty, Kazak Universitet Publ., 2008. 295 p. (in Russian). URL: https://nabrk.kz/ru/e-catalog?publication_type=1&sphere=7&title_first_letter=3&topic=0&language=rus&page=1 (accessed 16 March 2025).
12. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 16 March 2025).
13. *Natsional’nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://www.ruscorpora.ru> (accessed 8 June 2024).
14. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 10 June 2024).
15. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com> (accessed 25 October 2024).
16. *Slovar’ russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the Russian Language of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991 (in Russian). URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (accessed 16 March 2025).
17. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 3 May 2024).
18. Efremova T.F. *Novyy slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel’nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational]. Moscow, Drofa, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://www.efremova.info> (accessed 7 May 2024).
19. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar’ russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vol.]. 1950–1958 (in Russian). URL: <https://lexicography.online> (accessed 27 October 2024).
20. *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 30 tomakh* [The Dictionary of the Russian Language XI–XVII centuries. In 30 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1975 (in Russian). URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (accessed 28 October 2024).
21. Shishkov A.S. *Treyazychnyy morskoy slovar’ na angliyskom, frantsuzskom i rossiyskom yazykakh* [English, French and Russian Maritime Dictionary]. Saint Petersburg, Morskoy shlyakhetskiy kadetskiy korpus Publ., 1795. 84 p. 169 p. 41 p. (in English, French, Russian). URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/237148> (accessed 16 March 2025).
22. Yanovsky N.M. *Novyy slovotolkovatel’, raspolozhenny po alfavitu: v 3 tomakh* [New word-interpreter, arranged alphabetically. In 3 vol.]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii Nauk Publ., 1803–1806 (in Russian). URL: <https://www.prlib.ru/item/351704> (accessed 16 March 2025).

23. *Zhurnal ili Podennaya zapiska gosudarya imperatora Petra Velikogo* [Journal or Daily note of Emperor Peter the Great]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1772. Vol. 2 (1). 773 p. (in Russian). URL: <https://prlib.ru/item/408595> (accessed 20 May 2024).
24. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes]. Saint Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1880–1882 (in Russian). URL: <https://prlib.ru/item/457656> (accessed 20 June 2024).
25. Bloomfield L. *Yazyk* [Language]. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2010. 608 p. (in Russian).
26. Vasilev K. O proiskhozhdenii slova “vokzal” [The origin of the word “vokzal”]. *Vox*, 2014, no. 17 (in Russian). URL: <https://statehistory.ru/4806/O-proiskhozhdenii-slova-vokzal/> (accessed 5 May 2024).
27. Blank A. *Why do new meanings occur? A cognitive typology of motivations for lexical semantic change*. In: Blank A., Koch P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1999. 312 p.
28. *Bedlam: Obitel' gorya* [Bedlam: the abode of grief] (in Russian). URL: <https://enjoy-england.livejournal.com/8859.html> (accessed 16 March 2025).

Информация об авторах

Нагель О.В., доктор филологических наук, профессор, декан, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>; SPIN-код: 9328-0166; Researcher ID: N-9028-2014; ScopusID: 56642587700

Волкова М.В., соискатель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: www.volkm@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>; SPIN-код: 9686-1513

Information about the authors

Nagel O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Dean of Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>; SPIN-code: 9328-0166; Researcher ID: N-9028-2014; Scopus ID: 56642587700

Volkova M.V., applicant for a degree, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: www.volkm@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>; SPIN-code: 9686-1513

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 17.03.2025; accepted for publication 26.09.2025